

Лингвистика XXI века: на путях к целостности теории языка

О.Г. Ревзина

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В первые десятилетия XX века лингвистика, отмежевываясь от социологии и психологии, провозглашает, в лице Соссюра, своим единственным объектом «язык в самом себе и для себя»¹. Одна за другой выходят монографии, именуемые «Язык»², принимаются критерии научности естественных наук, формируется соссюровская научная парадигма. Выдвинутый Соссюром проект общей семиологии находит частичное воплощение в семиотике, но, вопреки Соссюру, лингвистика не теряет своей суверенности и не становится частью общей науки – семиотики. В вышедшей в 1966 году монографии «Идеи и методы современной структурной лингвистики» Ю.Д. Апресян пишет: «Науку часто сравнивают с кораблем, который время от времени перестраивается сверху донизу, оставаясь все время на плаву»³. Перестройка, вызванная структурной парадигмой, оценивается Ю.Д. Апресяном как обогатившая, углубившая и расширившая традиционную лингвистическую проблематику; как снабдившая лингвистику «методологией поиска научной истины»; как обещающая придать лингвистике единство целостной науки. И примерно в это же время начинается разрушение не построенного до конца научного здания.

К концу XX века язык как знаковая система перестает быть в центре исследовательских интересов. Лингвистика вновь тяготеет к соединению с психологией и социологией. Когнитивистика отказывается от соссюровских дихо-

¹ Соссюр Фердинанд де. Курс общей лингвистики. // Соссюр Фердинанд де. Труды по языкознанию. М., 1977. С.267.

² Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. М., 1937 (рукопись книги окончена в 1914 году); Сепир Э. Язык. М., 1934 (авторское предисловие к книге написано в 1921 году); Блумфилд Л. Язык. М., 1968 (англ. издание – 1964 г.).

³ Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966. С.280.

томий язык-речь, синхрония-диахрония, синтаксис-семантика, лексика-грамматика, объявляет язык одной из когнитивных способностей человека (наряду с ощущениями, восприятием, памятью, эмоциями, мышлением)⁴; а лингвистику – частью междисциплинарной науки когнитологии (когнитивистики). Теория дискурса отказывается от естественнонаучной модели знания, отдает приоритет качественному анализу и помещает лингвистику в междисциплинарную науку – человековедение, – объектом которой является человек⁵. Таким образом, лингвистика вновь теряет суверенность. В новом междисциплинарном синтезе «чистым лингвистам», ориентированным на язык «как таковой», разрешается «традиционная точка зрения», но в целом большие надежды возлагаются «на выход науки о языке из изоляции и рост ее общественной значимости в ближайшем будущем...»⁶

Оценивая путь, пройденный лингвистикой в XX веке, можно выделить следующие черты:

1. Языкознание всегда охотно вступало в контакт с другими науками – как гуманитарными, так и естественными. Не говоря о биологии, социологии, психологии, можно напомнить бум математической лингвистики в 1960-ые годы. Подобные контакты неизбежно сопровождались наводнением лингвистических исследований терминами науки-донора. Столь же неизменным оставался и результат: в языкознании оставалось то, что адекватно ее предмету, остальное либо устранялось, либо насыщалось собственно лингвистическим содержанием.

2. Отсутствие точного определения для вводимого понятия не являлось препятствием для эффективного использования. Скорее сам термин уточнялся по мере накопления конкретных исследований. Так уже в наше время обстоит дело с такими понятиями, как «языковая личность», «языковое сознание», «языковая картина мира», «концепт», «дискурс».

3. В языкознании абсолютизировалась мифологема движения от простого к сложному. Ограниченность ее возможностей постоянно подтверждалась при обращении к художественному языку, в которых «объективные лингвистические данные» нередко выступали необязательным подспорьем для глубоких интуитивных прозрений, представленных в философии и литературной критике.

4. В языкознании ни один лингвистический проект и ни одна лингвистическая теория не были доведены до уровня практического воплощения и, соответственно, до своего логического конца. Едва ли не единственным исключением является глоссематическая теория Л. Ельмслева, который специально подчеркивал, что его теория не нуждается в поддержке какой-либо практикой.

Таким образом, статус суверенной науки является для лингвистики естественным и постоянным, а влияние других научных дисциплин – мощным, но временным. Поэтому можно ожидать, что в первое десятилетие XXI века появится монография с обобщающим названием «Язык». Вместе с тем лингвисти-

⁴ См. Rene Dirven. *Cognitive Linguistics. General and Theoretical Paper*, Series A, No. 515.

⁵ См. Макаров М. *Основы теории дискурса*. М., 2003.

⁶ Макаров М. *Указ. соч.* С.245.

ка явно нуждается в переосмыслении своего предмета и в фильтрации понятийного аппарата, исходя из сочетания точности и гибкости, а также использования «бритвы Оккама», то есть отказа от «преумножения сущностей». Целостная теория языка должна быть объемлющей – вовлекающей в сферу своего рассмотрения не только то, что мыслится как простое, но и то, что мыслится как сложное. Новый синтез должен осуществиться внутри самого языкознания.

На наш взгляд, такой целостной теории языка в настоящее время не существует. Наиболее сложным оказалось определение отношения между языком как системой и языком как деятельностью. В этих условиях представляется полезным вернуться к определению объекта лингвистики и привлечь внимание к не до конца реализованным путям, которые имеются в современном научном дискурсе и которые могут оказаться полезными для построения общей теории.

На протяжении XX века велась безуспешная борьба за то, чтобы отсечь от предмета языкознания тот или иной аспект языка. Соссюр пытался отсечь от лингвистики фонетику («...вопрос от органах речи – вопрос второстепенный в речевой деятельности»⁷) – не вышло; структурная лингвистика отсекала внешнюю семантику – не вышло, возникла лингвистическая теория референции; отсекались предложение, потом текст и лингвистика текста – не вышло; художественная речь, риторика, коннотации, интертекстуальность – сколько раз произносился приговор «это не лингвистика» относительно новых тем, позднее становившихся объектом самого пристального внимания лингвистов. Раздумывая над тем, что отсекалось, и главное – почему отсекалось, приходишь к такому результату: истоки редукции лежат в упрощенном и редуцированном понимании языка как системы знаков. Пафос Соссюра в отношении общей семиотики состоял в том, что язык не отличается от других знаковых систем, что знаки дорожного движения и языковые знаки – это одно и то же, что языковое значение может легко трансформироваться в иную материальную субстанцию («язык – условность, а какова природа условно избранного знака, совершенно безразлично»⁸). Этот пафос является ложным, природа языка коренится в человеческом теле, в его органах речи, в его разуме. Так, в самом определении языка фиксируется «человеческий фактор». Как пишет американский исследователь Льюис Мамфорд, «с помощью собственного голоса человек впервые расширил сферу социального общения и взаимного сочувствия» и создал «символический мир, не зависящий исключительно от потока повседневного опыта, от каких-либо специфических условий окружения...»⁹ Таким образом, в человеческую систему языка вработаны социальность и когнитивность. Второе свойство человеческой системы языковых знаков, также присущее именно этой семиотической системе, состоит в способности к вторичному означиванию, к тому, что язык есть не только денотативная, но и коннотативная система, располагающая не одним, а двумя каналами информации – денотативным и коннотативным. Эта черта человеческого языка была

⁷ Соссюр Фердинанд де. Указ. соч. С.48.

⁸ Там же.

⁹ Мамфорд Льюис. Миф машины. М., 2001. С.104.

детально проанализирована Луи Ельмслевом¹⁰ и позднее Роланом Бартом¹¹, но до сих пор значимость этого фундаментального свойства языковой системы не оценена в должной мере. Значительная часть того, что отсекалось от предмета лингвистики, относится к языку как к коннотативной системе. Коннотативный канал информации отличается от денотативного тем, что носителем информации здесь выступает языковой знак (единица языка) целиком как элемент данной языковой системы. Минимальное коннотативное значение – это коннотация иноязычия, более конкретно – коннотация русскоязычия, франкоязычия и т.д.¹² Информация, которая идет по коннотативному каналу, весьма разнообразна. Во-первых, это информация о мире – о типологических характеристиках человека (пол, возраст, региональная, социальная, профессиональная характеристика, эмоциональные состояния, оценка), о составляющих акта коммуникации (канал связи, отношения между отправителем и получателем, тема сообщения). Эта информация составляет коннотативное значение стилистических знаков. Во-вторых, это информация о языке – о языковой норме, отклонениях от нее и характере этих отклонений. Эта информация передается выразительными знаками. В третьих, это информация о текстах, на что четко указал Ролан Барт: коннотация – это «метка, способная отсылать к иным – предшествующим, последующим или вовсе ей внеположным контекстам...»¹³ Эта информация составляет коннотативное означаемое интертекстуальных знаков. Таким образом, в языке как системе уже представлен человек как порождающий и распознающий разные виды языковой деятельности, как человек творчества и как человек дискурса, а человеческий язык – это и коннотативная, и денотативная система. Когда М.М. Бахтин писал о том, что мы говорим чужими словами, чужими высказываниями и бросил вызов лингвистике, приписывая ей неспособность понять сущность языковых действий¹⁴, он прежде всего ставил под сомнение модели текстопорождения, основанные на прямом переходе от системы языка к языку в действии. Но при этом и сам Бахтин видел систему языка плоскостно, только в денотативном измерении, и игнорировал язык как коннотативную систему. Его собственный постулат («... индивидуальный речевой опыт всякого человека формируется и развивается в непрерывном и постоянном взаимодействии с чужими индивидуальными высказываниями»¹⁵) прямо соотносится с тем, что коннотативный канал языковой системы хранит интертексты для их участия в текстопорождении. Это учтено в концепции языкового существования Б.М. Гаспарова, в которой разделяются операционная стратегия (разворачивание сообщения по определенным прави-

¹⁰ Ельмслев Луи. Прологомены к теории языка. Пер. с англ. Ю.К.Лекомцева // Зарубежная лингвистика. 1. М., 1999.

¹¹ Барт Ролан Основы семиологии. Пер. с франц. Г.К.Косикова // Структурализм: «за» и «против». М., 1975.

¹² Женетт Жерар. Стиль и значение: *stilus et significatio* // Женетт Жерар. Фигуры. Том 2. М., 1998.

¹³ Барт Ролан. S/Z. М., 1989. С.17.

¹⁴ См. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

¹⁵ Бахтин М.М. Указ. соч. С. 269.

лам «из компактного, многократно свернутого абстрактного отображения языкового материала»¹⁶) и репродуктивная, или мнемоническая стратегия («непосредственное запоминание и воспроизведение»¹⁷), основой которой является устойчивый коммуникативный фрагмент и которая фактически определяет языковое существование взрослого человека. Таким образом, понимание языка как механизма, связанного с денотативной системой, действительно является упрощенным, ибо представляет человека лишенным языковой памяти и языкового опыта и не объясняет реальность языковой деятельности. Понимание языка как коннотативной системы сопрягается с другими когнитивными способностями человека и – в потенции наделено большой объяснительной силой.

Невключение языка как коннотативной системы в предмет теоретической лингвистики имело и имеет следствием отсутствие четких представлений о ее строении и функциях, о взаимодействии коннотативной и денотативной систем¹⁸. Коннотативную семиотику выводили «за пределы сферы научности» вследствие непредсказуемости коннотаций и отсутствия в них иерархической классификации¹⁹. Так узкое понимание «научности» лишает науку ее полноправного объекта. Соотношение денотативной и коннотативной систем языка характеризуется следующими особенностями: а) они различаются не по характеру, но по способу передаваемой информации, б) они находятся в постоянном взаимодействии, ибо денотативное значение коннотатора (либо его первичная функция, если речь идет о фонемах или морфемах) непосредственно влияет на его способность стать коннотативным означающим той или иной разновидности коннотативного означаемого²⁰, в) в строения денотативной и коннотативной систем выделяются общие и специальные принципы, присущие каждой из двух систем по отдельности. Стилистические знаки формируют собственно стилистическую систему, в пределах которой коннотаторы разных языковых уровней, но с одним стилистическим смыслом объединяются в множества, подобные частям речи в денотативной системе²¹. Стилистические знаки входят в разные типы оппозиций (привативные, градуальные, эквивалентные) и формируют парадигмы (внутрисловные, межсловные и межуровневые). Таким образом, принципы структурного описания, принятые в отношении денотативной системы языка, применимы и к стилистической системе, на что впервые

¹⁶ Гаспаров Б.М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996. С.57.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См. об этом: Ревзина О.Г. О понятии коннотации // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве. М., 2001

¹⁹ Греймас А.Ж., Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь семиотики // Семиотика. М., 1983. С.535.

²⁰ Жерар Женетт делает еще более сильное, но гипотетическое утверждение: «Коннотация возникает при денотации не просто как добавочное значение или дополнительный смысл, но как значение *производное*, целиком обеспечиваемое способом денотации» (Женетт Ж. Указ. соч. С.425).

²¹ См. об этом: Ревзина О.Г. Прологомены к теории стилистики // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. М., 2003.

указал и что практически продемонстрировал М.В. Панов²². «Непредсказуемость» коннотативных стилистических смыслов относительна, поскольку сами стилистические смыслы представляют собой точки зрения, закрепленные в языке как релевантные для языкового социума, и их конкретные значения обнаруживают высокую степень общности. Непредсказуемость выразительных знаков также относительна, поскольку они возникают в результате потенциально исчисляемых преобразований означающих и означаемых²³. Наибольшая степень неупорядоченности и произвольности представлена, по видимости, в интертекстуальных знаках.

С чего же начинается интертекстуальность? Первичная техника интертекстуальности – это техника повтора, но сам по себе повтор интертекстуальности не создает, поскольку он предусматривается при построении предложения и в операционной стратегии. Интертекстуальный повтор связан с высказыванием, то есть он предполагает акт референции. Тем самым высказывание помещается в дискурс как «то, что было произведено (возможно все, что было произведено) совокупностью знаков»²⁴. Каждое конкретное высказывание, с его уникальным значением прагматических переменных, «существует вне любой возможности появиться вновь»²⁵, но в пространстве дискурса высказывание наделяется совершенно новыми – интертекстуальными связями и новыми функциями. Выделяются различные аспекты «интертекстуального» существования высказывания (и, соответственно, языка, ибо «язык в инстанции своего появления и способа быть – это высказывание») ²⁶. По мысли Б.М. Гаспарова, внутренняя речь человека и его мышление опирается на гигантский «цитатный фонд» памяти: «Языковая память каждого говорящего формируется бесконечным множеством коммуникативных актов, реально пережитых и потенциально представимых»²⁷. Таким образом, одна область значений, присущих интертекстуальным знакам, – это индивидуальный опыт существования человека (индивидуальные, или личностные интертексты). Другая, хорошо известная область – это известные интертексты – обсуждая «отсылки» к языковому опыту человека при формировании мысли, Б.М. Гаспаров специально подчеркивает близость этого процесса к «тому, который возникает при восприятии интертекстуальных аллюзий, подтекстов, перифраз в художественном тексте»²⁸.

²² Панов В.М. О стилях произношения (в связи с общими вопросами стилистики) // Развитие современного русского языка. М., 1963.

²³ См. Дюбуа Ж. и др. Общая риторика. М., 1988; Ревзина О.Г. Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания поэтического идиолекта // Проблемы структурной лингвистики 1985-1987. М., 1989.

²⁴ Фуко Мишель. Археология знания. Киев, 1996. С.108. См. также: Ревзина О.Г. Язык и дискурс. Вестник МГУ, Серия 9. Филология, 1999. №1

²⁵ Фуко Мишель. Цит. соч. С.90.

²⁶ Фуко Мишель. Цит. соч. С.114

²⁷ Гаспаров Б.М. Цит. соч. С.106

²⁸ Гаспаров Б.М. Цит. соч. С.107.

Третья область значений интертекстуальных знаков – языковые интертексты²⁹, связанные с функциональными стилями. Рассматривая порядок дискурса, М. Фуко выделяет ряд принципов (принцип забвения, принцип дисциплины, принцип доктрины, принцип «прореживания говорящего субъекта» и др.), контролирующих производство дискурса³⁰. Возникающие при этом «ансамбли дискурсивных событий» характеризуются совместным появлением совокупности языковых характеристик, которые составляют языковой облик функциональных стилей как разновидностей дискурса. Присутствующая в функциональных стилях регулярность появления одних и тех же языковых феноменов, невозможность, в конечном счете, их избежать снимает вопрос об отсылке к конкретным текстам или авторам, и функциональные стили объявляются присущими коллективному нарекающему субъекту и коллективному языковому сознанию. Таким образом, интертекстуальные знаки являются хранителями и передатчиками индивидуального знания «для себя», социального знания для социума и культурного знания. М. Мамфорд называет язык «самым воздушным из всех культурных посредников. По этой причине лишь ему под силу безгранично умножать и накапливать значения, не переполняя воздушное пространство планеты»³¹. В «накоплении значений» участвуют как денотативная, так и коннотативная системы, но коннотативная система, и в особенности интертекстуальность, имеет в этом процессе собственные функции. Специальные принципы устройства коннотативных систем должны быть тщательно проанализированы. Формулировки «от противного», то есть в сравнении с денотативной системой, мешают понять позитив. «Необязательность» коннотативных значений является мнимой, они присутствуют всегда, но, во-первых, их объем и характер легко подвергается изменениям, так что одни значения уступают место другим, и во-вторых, существует избирательность коннотативных значений, вызванная несопадением фонда знаний у разных членов социума и у человека на протяжении его жизни. Специфичным является характер референции: интертекстуальный знак отсылает к тексту как вещи, то есть коннотативное означаемое предстает как оконтуренный и при этом неисчерпаемый резервуар значений, при этом конкретный выбор зависит от субъекта речи. Это хорошо видно в случае интертекстуальной отсылки, скажем, к названию художественного текста, которая фактически может означать установление референциальной соотнесенности с автором, с его биографией, с любым из героев или ситуаций, с текстом-письмом и любым из его выражений и т.д. Точно также коммуникативный фрагмент типа *О мерах по укреплению...* имеет в качестве коннотативного означаемого комплексную семантику официально-делового стиля, включая социально-ролевой тип субъекта речи и адресата и картину мира, детерминированную правовой точкой зрения. Таким образом, интертекстуальные знаки представляют собой целые упаковки смыслов, и не-

²⁹ О различении языковых и литературных интертекстов см.: Гаспаров М.Л. Литературный интертекст и языковой интертекст // Известия АН, серия ЛИЯ. 2002. №4.

³⁰ Фуко Мишель. Порядок дискурса // Фуко Мишель. Воля к истине. М., 1996.

³¹ Мамфорд Льюис. Миф машины. С.130.

даром, конечно, Ролан Барт, выделяя в качестве единиц текста фрагменты, которые он назвал лексиями, определял лексии как «оболочки семантической емкости», как кряж множественного текста, ... поверх которого струится дискурсивный поток»³².

В дискурсивном потоке реализуются различные техники интертекстуальности, специфичные для коннотативной системы. Определив высказывание как «атом дискурса», М. Фуко нарисовал впечатляющую картину бытия высказываний в пространстве дискурса: с одной стороны, высказывания «производятся, обрабатываются, используются, преобразуются, обмениваются, комбинируются, разбираются и собираются, может быть, разрушаются людьми»,³³ с другой – «высказывание одновременно с появлением в своей материальности, возникает со своим статусом, включается в систему, располагается в поле использования, поддается перемещениям и возможным изменениям, участвует в операциях и стратегиях, где его тождественность поддерживается или исчезает»³⁴. Лингвистическое описание этого «грандиозного, нескончаемого и необузданного бурления дискурса»³⁵ не только выполнено, но к настоящему времени неясны даже контуры подобного описания. Предложенная Ж. Женеттом типология интертекстуальных связей³⁶ так или иначе переназывает традиционные понятия литературной критики и искусствознания и не затрагивает лингвистического аспекта. Лингвистический аспект начинается с того, что мы выделяем дискурсивный повтор как основу интертекстуальности и одновременно как неотъемлемую часть языковой деятельности. Достаточно посмотреть на элементарные операции, которые производит говорящий в дискурсе. Это либо прямой либо трансформированный повтор: прямой повтор в речи одного и того же лица, повтор со сменой адресата, повтор в тексте повествования, повтор слов персонажа в партии повествователя или наоборот, повтор-цитата в научных текстах, в официально-деловых документах. Трансформационный повтор – это и пересказ собственных слов, и косвенная речь, и пересказ текста, каково бы ни было его назначение (критика, рецензия, аннотация, школьный пересказ, взаимные пересказы участников диалога, речей персонажей в художественном тексте). Прямой повтор в виде цитаты заполняет большую часть дискурсивного пространства. Специальный интерес вызывает техника трансформированного повтора. Вглядываясь в эту технику, мы вновь и вновь убеждаемся в том, насколько объемлющим является определение языка как системы знаков, если отказаться от упрощений. Ибо в порождении, понимании и преобразовании текстов действуют те же мыслительные операции,

³² Барт Ролан. *S/ Z*. М., 1994. С.25. См. также: Ревзина О.Г. Текстовый анализ Ролана Барта: лингвистическое обоснование // *Функциональная семантика языка, семиотика знаковых систем и методы их изучения*. Тезисы докладов. Часть II. М., 1997.

³³ Фуко Мишель. *Археология знания*. С. 107.

³⁴ Там же.

³⁵ Фуко Мишель. *Порядок дискурса*. С.78.

³⁶ Genette G. *Palimpsestes: La litterature au second degre*. Paris, 1982. Детальное изложение классификации Ж. Женетта см. в: Фатеева Н.А. *Контрапункты интертекстуальности, или интертекст в мире текстов*. М., 2000.

что заложены в системе языка. Отношения между текстами недаром представляют как деривационные, и М. Фуко говорит о «деривационном древе» дискурса. Тот же трансформационный повтор может быть представлен как модификационный (расширение высказывания в препозиции, в постпозиции, когда прецедентное высказывание выступает как корень) и как мутационный (если воспользоваться терминами М. Докулила). Мутационный повтор описывается исходя из когнитивных отношений, находящихся системное выражение в языке: выражение сходства (синонимия), выявление внутреннего различия при внешнем сходстве (омонимия), установление родо-видовых связей (гипонимия и гиперонимия). В деривационном текстовом процессе модификационный и мутационный повторы присутствуют совместно, равно как совместно в этом процессе участвуют денотативная и коннотативная системы. Р. Барг предложил не востребованную лингвистикой методику текстового анализа, позволяющую раскрыть «структурацию» текста в языковом сознании за счет попеременного обращения к денотации и коннотации: по ходу чтения художественного текста читатель при этом вербализованные события, сцепляясь, образуют эпизод, который сохраняется в памяти в форме пропозиции, развертываемой в повествовательный предикат с актантами – участниками эпизода, при этом прямой повтор связан с актантами, а мутационный – с повествовательным предикатом³⁷.

Интертекстуальность, таким образом, – это основа порождения дискурса, но это и основа продвижения языка во времени, его историчности. То, что не проходит через интертекстуальный обмен, не удерживается в дискурсе³⁸. Здесь важно указать на роль конкретной языковой личности и на значение прямой цитаты, что можно продемонстрировать одним примером. Существуют разные точки зрения относительно того, почему именно пушкинский язык стал основой русской общенациональной нормы³⁹. Во всех случаях нельзя не обратить внимание на значение высказываний, которые можно назвать валидными, то есть ценностными для социума. Пушкинские валидные высказывания формируют национальное мировосприятие и восприятие современных событий, дают название эмоциональным переживаниям человека и ментальным актам. Имя Пушкина соединяется с цикличностью годового цикла: *Зима!.. Крестьянин, торжествуя, ...; Мороз и солнце: день чудесный!; Гонимы вешними лучами...; Весна, весна, пора любви...; Ох, лето красное!...; Октябрь уж наступил... И с каждой осенью я расцветаю вновь; Здоровью моему полезен русский холод... Поэтические фрагменты разной степени завершенности входят в любовный словарь (*Не пой, красавица, при мне...; Я вас люблю, хоть и бешусь...; Я вас любил: любовь еще, быть может...; Мне грустно и легко: печаль моя светла, Печаль моя полна тобою...; Исполнились мои желания. Творец Тебя**

³⁷ Барг Ролан. S/ Z. М., 1994.

³⁸ См. об этом Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Екатеринбург; Омск, 1999.

³⁹ См. об этом: Язык и время в пушкинском поэтическом контексте // Пушкин и поэтический язык XX века. М., 1999; Revzina Olga. La lingua di Puskin e la coscienza linguistica contemporanea // Puskin, la sua epoca e l'Italia. Roma, 2001.

мне ниспослал, тебя, моя Мадонна, Чистейшей прелести чистейший образец), формулируют глобальное мировосприятие (*Да здравствует солнце, да скроется тьма!*; *Есть упоение в бою И битвы мрачной на краю...*; *На свете счастья нет, но есть покой и воля...*), отношение к жизни (*Я понять тебя хочу, смысла я в тебе ищу...*), принятие ответственности за собственную жизнь и поступки (*Но строк печальных не смываю*) и отношение к смерти (*Но не хочу, о други, умирать; Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать...*; *Нет, весь я не умру...*), обобщенно и афористично выражают постоянное и проявляющееся по сиюминутным поводам опасение россиян сойти с ума (*Не дай мне бог сойти с ума. Нет, лучше посох и сума...*). Пушкинские валидные высказывания – это оптимальный выбор языковых форм и эстетический идеал русского языка («чистейшей прелести чистейший образец»), и это стилистика русских вариантов, которые включаются через валидные высказывания в современное языковое сознание, придавая историчность системе, по выражению Поля Рикера.

В заключение хочется вернуться к Соссюру и присоединиться, с учетом всего сказанного, к его утверждению: «...нет ничего невероятного в утверждении, что единство в речевую деятельность вносит язык»⁴⁰. Да, именно язык – всеобъемлющая структура, способная «вспоминать прошлое, предвидеть будущее, охватывать незримое или далекое»⁴¹, вселенная дискурса, которая «стала самой ранней созданной человеком моделью вселенной как таковой»⁴². Целостная теория языка, долженствующая открыть его вселенную, определяет место языкознания – не сателлита, но ядра. Побудительные импульсы выхода науки о языке из «добровольной изоляции» содержатся в самой науке о языке.

⁴⁰ Соссюр Фердинанд де. Цит. соч. С.40.

⁴¹ Мамфорд Льюис. Миф машины. С.113.

⁴² Там же. С.105.